

ПСКОВСКИЕ ГРАМОТЫ КОНЦА XV в. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Осуществленное под редакцией С. Н. Валка издание «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» представляет собой выдающийся в области советской археографии труд. Это издание служит и будет служить основой для целого ряда исследований. Мне хотелось бы поделиться лишь некоторыми соображениями по поводу отдельных опубликованных в нем документов, относящихся к истории Пскова.

Среди псковских актов конца XV в. наибольший интерес представляет правая грамота 11 июня 1483 г. псковского князя Ярослава Васильевича Оболенского, псковских посадников Левонтия Тимофеевича и Степана Максимовича и сотских игумену Тарасию и старцам Снетогорского монастыря на шестую часть реки Перервы, бывшую у них в споре с сотским Юрием, — егорьевским старостой, с Ортемом, Ильей и «со всеми их сябры», игуменом Лаврентием и старцами Козьмодемьянского монастыря с Гремячей горы.¹

³⁵ Каталог славяно-русских рукописей В. М. Ундольского. М., 1870, стр. 41.

¹ ГВНП, № 340, стр. 326—328.

Прежде всего возникает вопрос: кто выступает в судебном споре? Б. Д. Греков полагает, что егорьевский староста Юрий, Ортем и Илья — это крестьяне (слово «сябр» Б. Д. Греков считает равнозначным «смерду») монастыря святого Егория (Георгия), находившегося в Пскове, в Среднем городе, на Болоте. Заключает это Б. Д. Греков из того, что по позднейшим данным описания Псковской земли 1585—1587 гг. в Пецкой губе (а именно ее территории касалась тяжба 1483 г.) значились деревня и пустоши «Егорья святого з Болота из Середнево города».² Права этих крестьян на проезд по реке Перерве столкнулись с правами Снеготорского монастыря.³

Понимание Б. Д. Грековым термина «сябры» как «смерды» основано на предпосылке, что этим термином обозначаются в грамоте 1483 г. крестьяне, выступавшие вместе с Юрием, Ортемом, Ильей, но поименно не перечисленные. Между тем анализ текста показывает, что в пяти случаях грамота 1483 г. называет в качестве «сябров» Юрия, Ортема и Илью, а также игумена и старцев Козьмодемьянского монастыря, выступавших на суде вместе с ними против братья монастыря Снеготорского. О Козьмодемьянском монастыре Б. Д. Греков почему-то вообще не упоминает, хотя в правой грамоте говорится: «Юрьи, и Ортем, и Илья, и все сябры их, игумен Лаврентей и старцы Кузьмодемьянские...».⁴ Лишь в трех случаях в тексте правой грамоты 1483 г. перед словами «игумен Лаврентей» имеется союз «и», что является некоторым основанием для предложенного Б. Д. Грековым толкования «А Юрьи, да Ортем, да Илья, и все сябры их, и игумен Лаврентей, и старцы Кузьмодемьянские...».

Но с Б. Д. Грековым нельзя согласиться потому, что Юрий, Ортем, Илья действуют на суде самостоятельно, предъявляют в суд «свои» грамоты, свидетельствующие о правах собственности на спорную «воду». Это было бы невозможно, если бы речь шла о монастырских крестьянах. Был бы обязательно указан их владелец. Поэтому гораздо правильнее допустить, что Юрий, Ортем, Илья и другие не упомянутые их товарищи — это крестьяне государственные (черные), зависимые непосредственно от Псковского государства, а их «сябры» (т. е. совладельцы рекою Перервою) — это игумен Лаврентий и старцы Козьмодемьянского монастыря. Наименование Юрия соцкою «старостой егорьевским» указывает не на то, что он являлся крестьянином псковского мо-

² Писцовые книги г. Пскова с уездом 1585—1587 гг. (Сборник Московского архива Министерства юстиции, т. V, М., 1913, стр. 143).

³ Б. Д. Греков в. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. 1. Изд. 2. М., 1952, стр. 460—463.

⁴ М. Н. Тихомиров неправильно передает содержание судебного дела 1483 г., говоря, что оно представляет собой «тяжбу монахов Кузьмодемьянского монастыря с соседними сябрами» (М. Н. Тихомиров в. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 36—37).

настыря святого Егория, владевшего землями в Пецкой губе (кстати, в Пскове с этим именем была церковь, а не монастырь, как пишет Б. Д. Греков), а на то, что Юрий и его товарищи принадлежали к числу черного крестьянства, жившего «в Печках на погосте», где также имелась церковь святого Егория.⁵ Сотский — староста Юрий, был представителем сельской администрации.

Каким образом монастырские козьмодемьянские старцы оказались «сябрами» черных крестьян? Очевидно, в процессе феодализации, когда они захватили в свои руки часть владений, считавшихся ранее государственными.

На разных стадиях этого процесса, очевидно, и термин «сябры» менял свое значение. Сначала под ним, вероятно, имелись в виду совладельцы из числа крестьян, не попавших в частную феодальную зависимость, живших на государственных землях.⁶ Сохранилась «ободная» (т. е. межевая) грамота на Вастечскую землю, представлявшую собой «ропашь» сябров.⁷ Кто эти сябры — неизвестно. По имени они не названы. Надо думать, что имеются в виду черные крестьяне (которые сами пашут землю). Но на то, что среди сябров появились церковные феодалы, указаний нет.

Данные об этом дает другая грамота — раздельная на земельные владения между Семеном Жаворонком «со всеми сябры» (некоторые из них названы по имени), с одной стороны, и «чернцами» Спасо-Мирожского монастыря — с другой. Земли обеих сторон разграничиваются межой. Некоторые пожни (сенокосы) делятся на доли (из расчета: Семену Жаворонку с его сябрами — треть, монастырю — две трети). Воды являются объектом общего пользования. Обе стороны могут пользоваться «городским путем». Ходить на «полесье» в «чернеческий лес» Семену Жаворонку с сябрами запрещается. Право охоты для них вообще сильно ограничивается. Так, особо оговаривается, что они не будут нести ответственности по суду, если подстрелят белку, поднятую их собакой в стороне от дороги: «А с пути ускочив псе узгонит векшу, а то Жаваранку с сябры без тяжи убити».⁸

Семен Жаворонк со «всеми сябрами» принадлежал, по-видимому, к числу таких же черных крестьян, как и вастечские сябры. Но в сябренное землевладение Семена Жаворонка и его товарищей вклинивается Спасо-Мирожский монастырь. «Чернцы» последнего не только стеснили владения сябров, добившись строгого земельного обмежевания, но в отношении некоторых видов соб-

⁵ Писцовые книги г. Пскова. . . , стр. 143.

⁶ О новгородских сябрах см.: Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, стр. 79, 82, 220, 263, 264, 268, 269, 272, 274, 279.

⁷ ГВНЦ, № 346, стр. 331.

⁸ Там же, № 345, стр. 330.

ственности (например, сенокосов) сами превратились в совладельцев (сябров) Семена и др.

Очевидно, сходную картину сябренного землевладения рисует и судебное дело 1483 г., которое является основным документом, рассматриваемым в настоящем очерке. Рост псковского Козьмодемьянского монастыря как феодала-вотчинника привел к ущемлению интересов сельских жителей Егорьевского погоста Пецкой губы. Узурпировав некоторые из их прав (завладев частью реки Перервы), козьмодемьянские старцы стали «сябрами» егорьевского старосты Юрья и его товарищей. Но у Козьмодемьянского монастыря оказался конкурент — псковский монастырь Рождества богородицы на Снетной горе, который со своей стороны повел наступление на население Егорьевского погоста. Это, естественно, было по интересам козьмодемьянских монахов. Они старались дать отпор снетогорским старцам и в силу этого на суде выступили в качестве «сябров» Юрия и др., отстаивая общие с ними владельческие права на реку Перерву.

Снетогорский монастырь, поднявший в 1483 г. тяжбу, известен по летописям уже с XIII в.⁹ Впоследствии это была богатая феодальная организация, владевшая земельными угодьями, рыбными промыслами, торговавшая рыбой, располагавшая денежными средствами для каменного строительства. В монастырь постригались лица, принадлежавшие к состоятельным общественным слоям.¹⁰ Они жили «не по чернечьскы», пили «до пьяна», богато одевались, носили платье из «немечьских сукон», шубы на пуху, заводили собственное имущество (стяжание).

Снетогорский монастырь пользовался и политическим влиянием в Пскове. Чернцы были связаны со светским населением, причем в ряде случаев с его верхушкой, с местными властями (князем, посадниками и пр.). Бывали случаи, когда чернцы, покинув монастырь («из манастыря вышедше вон»), начинали судебные дела против его братья («да поднимают мирьскыя люди и мирьскыя судья, на игумена и на старьцев»). Родственники умерших монахов требовали по суду возврата их имущества, особенно вкладов, которые те при пострижении делали в монастырь. Все это вело к «которам» (ссорам).

Представляли ли собой эти «которы» простые распри в социально однородной (в основном феодальной) среде или же в них проявлялась и социальная рознь? Вероятно, было и то, и другое. Имеются сведения об идейных разногласиях среди монахов, в какой-то мере отражавших классовые противоречия в Пскове.

⁹ Псковские летописи. Пригот. к печати А. Н. Насонов. Вып. 1, М.—Л., 1941, стр. 14; вып. 2, М.—Л., 1955, стр. 18, 86.

¹⁰ Н. С. Суворов. Псковское церковное землевладение в XVI и XVII вв. ЖМНП, 1905, декабрь, стр. 227—228; Н. И. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. Чтения ОИДР, 1908, кн. 3, стр. 224—235.

Так, в монастырь проникали какие-то отголоски стригольничества. Были такие «непотребные иноки», которые «от многокозньства плененых сетей... диавола» отказывались принимать причастие, не имели духовников.¹¹

Но в целом, конечно, Снетогорский монастырь имел феодальный облик, и в земельном вопросе против крестьян чернцы выступали достаточно крепким фронтом. Формой же их наступления на крестьянское сябренное землевладение было тоже «сябренничество», но на иной классовой основе. По-видимому, создавался общий денежный фонд (на земельные операции, на ведение судебных тяжб). Этот фонд мог образоваться из вкладов отдельных чернцов.¹² В сябренное владение чернцов поступали, следовательно, и захваченные у крестьян земли. Сделки на основе «сябренного серебра», т. е. капитала, составленного из долей отдельных его участников, были распространены в Пскове. О них говорит Псковская судная грамота (статья 92).¹³ Но социальная природа чернеческого землевладения, создаваемого на «сябренное серебро», была иная, чем сябренных владений крестьянства. В первом случае это землевладение чисто феодальное, во втором — в основе общинное, крестьянское, принявшее своеобразную форму в условиях феодализма. Правая грамота 1483 г. рисует столкновение этих двух форм.

Дело Снетогорского монастыря с егорьевским старостой Юрием и козьмодемьянскими старцами разбиралось с соблюдением юридических норм, зафиксированных в основном законодательном памятнике Псковской республики — Псковской судной грамоте. Суд производился, согласно последней, в палатах («на сенех») у князя. Судила «господа», т. е. князь, посадники, сотские. Судьи при разборе дела руководствовались статьями 9, 10 и 106 Псковской судной грамоты.¹⁴ В соответствии с названными статьями на суде рассматривались документы, которые представляли стороны на спорное владение. Снетогорский игумен предъявил купчие грамоты, а о старосте Юрии и о козьмодемьянских старцах сказано глухо, что они принесли грамоты, без уточнения, какие именно. Поскольку показания документов расходились, т. е. имел место случай, указанный в статье 10 Псковской судной грамоты («а зайдут грамоты за грамоты»), на месте был составлен чертеж спорного владения. Этот чертеж судьи предъявили, как и требовала Псковская судная грамота, сторонам, спросив их, нет ли у них претензий к межешчикум — «снимаете ль с межников межничества?». Наконец, руководствуясь нормами Псковской судной грамоты, судьи допросили старожильца — «старика», на котором, как на свидетеле,

¹¹ РИБ, т. 6, № 46, стб. 207, 209, 389—392, 399.

¹² Н. И. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни... Чтения ОИДР, 1908, кн. 3, стр. 234. Автор называет такое складничество «общинным принципом», что, конечно, не верно.

¹³ ПРП, вып. 2, 1953, стр. 298, 319, 369, 370.

¹⁴ Там же, стр. 303, 322, 337, 338, 374.

сошлись обе стороны. Только после этого суд вынес решение в пользу Снетогорского монастыря. Почти все требования процессуального порядка, предъявляемые Псковской судной грамотой к судопроизводству по земельным делам, были соблюдены. В судебном деле 1483 г. из норм Псковской судной грамоты не были использованы лишь процедура крестоцелования и «поле» (судебный поединок).

Но за оболочкой внешней законности скрываются серьезные социальные противоречия. Тяжба Снетогорского монастыря с егорьевскими и козьмодемьянскими сябрами возникла в тот момент, когда во Пскове произошли крупные народные волнения. Дело Снетогорского монастыря разбиралось в июне 1483 г., а за месяц до этого, в мае, по сообщению Псковской I летописи, в Пскове были разгромлены дворы ряда посадников («посекоша псковичи дворы у посадников»). Среди пострадавших от движения черных людей летопись называет и посадника Стефана Максимовича, вершившего суд по тяжбе, поднятой Снетогорским монастырем.

Народное движение в Пскове продолжалось ряд лет. В 1484 г. был убит посадник Гавриил. Другие посадники (в их числе Стефан Максимович и Левонтий Тимофеевич — также судья по делу Снетогорского монастыря) убежали (очевидно, желая скрыться от расправы) в Москву. Там они принесли жалобу на псковичей великому князю Ивану III. Черные люди Пскова объявили беглецов вне закона («из заповеди закликаша»), опечатали их имущество («животы»), вынесли им заочный смертный приговор и, оформив соответствующий письменный документ («мертвую грамоту»), положили его в государственный архив (ларь).¹⁵

Восстание продолжалось до 1486 г. Оно подробно изучено в литературе. Ввиду лаконичности и неясности летописных сведений исследователями высказываются разные мнения о его характере, движущих силах, лозунгах.¹⁶

Сейчас нет надобности подробно рассматривать ход псковского восстания, а также разбирать выдвинутые точки зрения. Отметим лишь основные моменты. Народное движение охватило и Псков и Псковский уезд. Против бояр и боярской администрации высту-

¹⁵ Псковские летописи, вып. 1, стр. 79—80; вып. 2, стр. 65—66.

¹⁶ С. В. Юшк о в. Псковская «аграрная» революция в конце XV в. Записки научного общества марксистов, 1928, № 3, стр. 25—41; С. Н. Чернов. Заметки о псковских смердах и о волнениях 80-х годов XV века. В порядке обсуждения. Труды Горьковского педагогического института имени М. Горького, т. 3, Исторический сборник, 1939, стр. 5—55; Б. Д. Греков. Движение псковских смердов 1483—1486 гг. и «смердьи» грамоты. Исторические записки, т. 20, 1946, стр. 3—23; Б. Б. Кафенгауз. Восстание в Пскове в 1483—1486 гг. (К пересмотру вопроса). Исторические записки, т. 55, 1955, стр. 297—308; Л. В. Черепин. Социально-политическая борьба в Псковской феодальной республике в конце 70-х—начале 80-х годов XV в. История СССР, 1958, № 3, стр. 145—171.

пили как горожане, так и смерды. В ходе классовой борьбы поднимались вопросы как социальные (касающиеся взаимоотношений феодалов с городскими черными людьми и крестьянами), так и политические (о правах в Пскове московского великокняжеского наместника).

Псковская II летопись приводит глухие сведения о выступлении смердов и его подавлении господствующим классом: шла «брань о смердах», «...о смердах... много напасти учинилося... и о том вся земля мятешся по два года». Смерды отказались выполнять трудовые повинности — «не потягнуша на своя работы». Характерными чертами движения смердов являются борьба с феодальным произволом, в силу которого повышались их повинности, и требование вернуться к тому объему повинностей, который пошел исстари и зафиксирован документально. Отсюда поиски старинных «смердых грамот», в которых записано «какo смердам из веков вечных князю дань даяти и Пскову и всякии работы урочныи... им знати». Приведенная выдержка из летописи достаточно ясно свидетельствует о том, что под восставшими смердами псковский летописец подразумевал государственных (черных) крестьян.

Псковские летописи ничего не говорят о том лозунге борьбы, которому в крестьянских выступлениях принадлежит ведущее место, — о борьбе за землю. В этом отношении летописный материал пополняется данными, содержащимися в правой грамоте 1483 г. Егорьевский староста Юрий с товарищами, которые, вероятно, были черными крестьянами и участвовали в движении смердов, защищали свои владения от натиска Снеготорского монастыря. Снеготорские старцы жаловались, что Юрий и «все сябры» их «шестой части в Перерве реки лишают, а проезду... не дадут». Снеготорский игумен Тарасий подал об этом жалобу в суд. Князь и посадники поддержали его, защитили его интересы, не посчитавшись с «грамотами» Юрия с товарищами. За эту и подобные ей акции против посадников поднялся народ, и они спаслись лишь бегством в Москву.

Во Псковской II летописи имеется интересное сообщение о том, что на последнем этапе народного движения в 1486 г. из псковских пригородов и волостей двинулась во Псков масса обиженных князем Ярославом и его наместниками людей («обидных людей»).¹⁷ Материал, содержащийся в правой грамоте 1483 г., является как бы иллюстрацией к этому летописному рассказу, показывая, в чем заключались крестьянские «обиды».

Другой такой иллюстрацией, может быть, допустимо считать упоминавшуюся выше раздельную грамоту Спасо-Мирожского монастыря и Семена Жаворонка с сябрами. Это документ недатированный. Но в числе послухов в нем назван «посадник Иван». Из

¹⁷ Псковские летописи, вып. 2, стр. 68—69.

летописи известен посадник Иван, у которого, как и у посадника Стефана Максимовича, псковичи в 1483 г. «посекли» двор.¹⁸ Если в летописи и в раздельной грамоте речь идет об одном лице, то, очевидно, последний документ, как и правая грамота Снетогорскому монастырю, относится к 80-м годам XV в., ко времени движения смердов. Акт земельного раздела между «чернцами» Спасо-Мирожского монастыря и Семеном Жаворонком с сябрами (бывшими, очевидно, черными крестьянами) формально носит характер добровольной сделки. Но, по существу, в этой сделке оказываются обиженными Семен Жаворонк с сябрами, на землю которых наступает сильный сосед, духовный феодал, а его действия находят поддержку со стороны посадника Ивана. Тем самым разбираемая грамота проливает какой-то, пусть слабый, свет на причины народного недовольства политикой этого представителя верховной власти в Псковском государстве.

В Псковской I летописи, в рассказе о народных волнениях 80-х годов XV в., содержится обвинение наместника князя Ярослава Васильевича Оболенского с посадниками в том, что они «грамоту новую списали и в ларь вложили на сенех».¹⁹ Возможно, что речь идет о каких-то изменениях, самовольно, без ведома веча, внесенных князем и наместниками в текст Псковской судной грамоты.²⁰ Мы не имеем возможности разбирать здесь этот вопрос подробно. Важно лишь отметить, что и в борьбе за землю, и в борьбе за «старину» в отношении характера и объема повинностей черные крестьяне ищут источника своих прав в «старой» документации и не доверяют «новой». Летопись говорит о «всеи земли смятенъе», последовавшем от того, что «некий поп» прочел норовским смердам грамоту, перечислявшую повинности «како от начала бысть»²¹ (конечно, о характере этой грамоты можно строить разные предположения). «Обод» земли вастечских сябров списан со «старых грамот».²² Юрий, егорьевский староста, с сябрами проиграл дело Снетогорскому монастырю потому, что их грамотам (по-видимому, старым) суд противопоставил монастырские купчие (вероятно, новые документы). Очевидно, желая решить дело в пользу Снетогорского монастыря, судьи сознательно применили к нему статью 10 Псковской судной грамоты, а не статью 13, по которой в земельных делах предпочтение отдавалось «старым грамотам».

Возврат к «старине» в области поземельных и социальных отношений и апелляция к старинной документации — это то, что характерно для движения смердов данного времени.

¹⁸ Там же, вып. 1, стр. 79.

¹⁹ Там же, стр. 79.

²⁰ Л. В. Черепнин, Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1. М.—Л., 1948, стр. 423—436.

²¹ Псковские летописи, вып. 2, стр. 68—69.

²² ГВНП, № 346, стр. 331.

В этой связи интересно рассмотреть еще один акт — грамоту, составленную от имени великого князя Александра и посадника Твердила.²³ Она относится к той же территории, что и правая грамота 1483 г., — Снеготорскому монастырю. Речь в ней идет о тяжбе смердов Лочка, Ивана «и всех рожитчан» (крестьян, занимавшихся рыбным промыслом на Рожитцком исаде) с Радишею, Кузьмою и «с чернды спасовскими» (возможно, монахами Спасо-Мирожского монастыря)²⁴ «про мох» (т. е. поросшее мохом место, болото). Поводом послужило то, что «чернды» стали «лишати мха» рожитчан, т. е. присваивать этот промысловый участок. Рожитчане представили «смердью грамоту», свидетельствующую об их правах на спорный «мох». Доказательство это было признано убедительным, и на его основании от имени князя Александра и посадника Твердила было вынесено решение: «И не посудихом грамоте, но велехом им ходити по мху и по смердье грамоте... А Радишу и Кузме и спасовских чернды мха лишихом».

Рассмотренный документ не имеет даты. В различных изданиях он датируется то XIII,²⁵ то XIV,²⁶ то XV в.²⁷ В издании С. Н. Валка он помещен вообще без даты. Расхождения в датировке объясняются тем, что во Пскове в разное время княжили различные Александры. Имя великого князя — Александр — в сочетании с именем посадника — Твердило — указывает как будто на XIII в. и на князя Александра Невского. Но, в то же время, выдача грамоты Александром Невским совместно с посадником Твердилом мало вероятна, так как последний, став на путь измены, в 1240 г. помог немцам овладеть Псковом, а Александр Невский в 1242 г. освободил Псков.²⁸ Других псковских посадников с именем Твердило летописи не знают.

Возможно, что разбираемый документ в дошедшей до нас редакции составлен уже в XV в. на основе каких-то письменных актов или устных сведений, относящихся ко времени Александра Невского. В конце XV в., когда шло наступление на смердов со стороны феодалов и суд поддерживал последних, смерды, как указывалось, хотели опереться на официальную документацию, заверенную властями. Они были заинтересованы в том, чтобы найти старинные «смердья грамоты»,²⁹ и им помогали в этих поисках

²³ Там же, № 348, стр. 337—338.

²⁴ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. 1, стр. 396.

²⁵ А. Х. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 86, № LIV.

²⁶ Н. И. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни... Чтения ОИДР, 1908, кн. 4, стр. 398.

²⁷ Сборник Псковской губернской ученой архивной комиссии, вып. 1. Псков, 1917, стр. 45.

²⁸ ГВНП, стр. 338; Псковские летописи, вып. 2, стр. 81—82.

²⁹ С. В. Юшков упоминает грамоту рожитчан в своем исследовании о волнениях в Пскове (С. В. Юшков. Псковская «аграрная» революция..., стр. 38).

грамотные люди из близкого по своим интересам к крестьянству сельского духовенства.

Помещенные в одном сборнике рядом друг с другом списки с грамот рожитцким смердам и Снетогорскому монастырю как бы противопоставляются друг другу. Первое дело выигрывают смерды, и судьи говорят им: «Не повинихом». Вторая тяжба решена не в пользу крестьян, и суд выносит им приговор: «Повинихом».

Время Александра Невского рассматривалось как «старина», которая стала меняться в XV в. Уже в 1417 г. митрополит Фотий в послании в Псков говорил, со слов псковских посланцев, о нарушении «старины» князем Константином Дмитриевичем и о том, что из-за этих нарушений «христианом ставится пакостно и душевредно».³⁰ Конечно, «старину» псковские феодалы и смерды понимали по-разному. Для первых это было время большей политической независимости (от Новгорода, от Москвы), для последних — время, когда было больше земли, легче был феодальный гнет. Именно этого искали крестьяне в «смердых грамотах», из-за которых в 80-х годах XV в. «всей земли смятенье бысть».